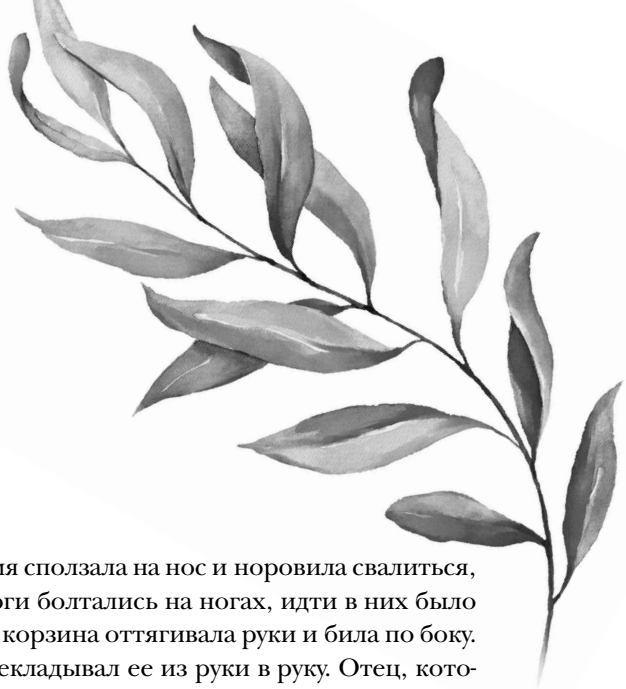




*Памяти моего сына Женечки  
посвящается*





## Часть 1

### Валун

Шапка все время сползала на нос и норовила свалиться, растоптанные сапоги болтались на ногах, идти в них было неудобно, большая корзина оттягивала руки и была по боку. Вася то и дело перекадывал ее из руки в руку. Отец, который утром помогал ему собираться, судя по всему, думал совсем не о том, как лучше снарядить сына, а был полностью погружен в свои собственные невеселые мысли. Ему, наверно, было о чем подумать. Совсем недавно в их деревне создали колхоз. Васятка сразу запомнил это слово, как и другое — уже потруднее — кол-лек-ти-ви-зация. Тогда все только и говорили эти слова. А что такое этот колхоз — он не понимал. Да и многие не понимали: как это — работать на общих полях, иметь общее стадо? Как говорил отец — одни будут работать, другие лодырничать, а получать поровну? Потому он и на работу в колхоз ходил неохотно, да и с матерью они в последнее время часто ругались. Вот он и собрал сына в лес по грибы кое-как.

Поэтому Вася и отстает от Оли. Она, конечно, постарше, собралась сама, все на ней ладно да складно, вон

как шагает, как будто не по узкой кривой тропинке, а по ровной дороге. А ему все время лезут под ноги узловатые корни, спутанная трава цепляется за сапоги, а еще то и дело попадают налитые до краев красноватой торфяной водой ямы, которые приходится обходить. Где уж тут за сестрой поспеть? А она небось считает, что он еще маленький, задается, идет легко и быстро. Что ж, правильно... Вася действительно устал, запыхался, впору было признавать свое поражение и поворачивать домой.

Он тяжело вздохнул и тут же опустил глаза — заметил устремленный на него легкий, как у олененка, внимательный взгляд сестры. Оля возвращаться и не думала — азарт напал.

Отец-то, наверно, с утра уже выпил вина, или чего там он пьет — от него исходил кисловатый приторный запах, смешанный с легким перегаром, слабый, почти незаметный. Но Васятка хорошо знал этот запах и сразу учуял его. Значит, у отца опять начался загул. Что это им несет — неизвестно, но вряд ли что-то хорошее. Когда отец пьет, то и без того трудная жизнь становится еще хуже. О легкой-то жизни им и мечтать не приходится — это Васятка уже успел понять. Вот мать вернется — вообще светопреставление начнется: увидит, что отец пьет, будет ругаться, скандалить, бить посуду...

Он стащил с вспотевшей головы шапку. Голову с коротко стриженными волосами тут же обдул тонкий осенний ветерок. Мать всегда так его стригла, «под ноль», говорила она. Так вши не заведутся и голову проще мыть. Мать у них упрямая, уж если что придумает, то ни за что не отступится. Да и некогда ей особо вникать во все — дома она бывает редко, наездами.



Наконец они добрались до поляны и сразу пошли медленнее, внимательно глядя вокруг. Оля почти тут же наклонилась и выпрямилась, держа в руках крепкий черносерый подберезовик. Везет ей. Вася только вздохнул, он уже смирился с тем, что у Ольки все получается лучше, чем у него. И не только потому, что она старше. У нее все получается лучше, чем у многих. И шить она умеет, и готовить, любая домашняя работа у нее получается. Да так ловко и легко, как будто она играет, а не работает. И животные ее любят. Корова как увидит ее, так мычит и тянется к ней, не говоря уж про кошек и собак.

А в прошлом году они с ней ходили к тетке в соседнюю деревню. Подошли к околице и увидели огромного черного быка. Он вырвался из стойла и теперь свирепорыл копытами землю, на губах у него вскипала пена, в носу блестело железное кольцо. Он смотрел вокруг, утробно всхрапывал и яростно бросался на людей, пытавшихся поймать его и загнать обратно. Оля с Васей, ничего не подозревая, вышли из неглубокого овражка к крайним домам и оказались прямо перед быком, склонившим лобастую голову к земле. Казалось, он вынюхивает что-то, кося налитым кровью глазом. Увидев возникших прямо перед ним детей, он громко фыркнул и поднял голову. Вася до сих пор помнил, как под его блестящей шкурой мощно перекатались комки мускулов. Он стоял прямо перед быком и от страха не мог двинуться с места. Люди, метавшиеся поодаль, что-то закричали, но он ничего не слышал. Видел только широкий лоб с завитками жесткой короткой шерсти да желтоватые рога с черными острыми концами. Бык тяжело переступил с ноги на ногу и весь как-то подобрался.

Он готовился к неукротимому броску. Кто-то вскрикнул, но Вася ничего не слышал — они с быком словно стали одним целым: видели только друг друга и ничего не замечали вокруг.

Неожиданно Оля шагнула вперед и встала прямо перед разъяренным животным. Она негромко заговорила успокаивающим голосом, а потом потихоньку начала подходить к быку.

— С ума сошла, дурочка! — заполошно вскрикнула какая-то женщина. — Бегите!

На нее прикрикнули, толпа замерла и напряженно затихла.

Оля, продолжая что-то приговаривать, подошла к быку вплотную, дотронулась до его лба и погладила завитки шерсти. Бык фыркал, шумно дышал, но стоял на месте. Он как-то притих, злая сила, клокотавшая в нем, прошла на спад. Оля медленно и осторожно ухватила его за шею и повела к коровнику. Она потрепала его по шее, и он послушно вошел в стойло. Девочка попятилась назад и тут же заложила выход толстой надежной жердью. Сказала что-то быку и потихоньку вышла.

На улице к ним бросились люди.

— Целы? — тормошили они детей. — Вот недосмотрели-то за скотиной, хорошо, что обошлось...

— Обошлось... — сказал высокий мужчина. — А как обошлось-то?..

Все опять затихли и с удивлением посмотрели на Олю.

— Да как же ты, девонька, быка-то утихомирила? — спросила краснощекая молодая женщина. — Ай слово какое знаешь? Скажи нам...



— Скажи, скажи... — загомонили вокруг, — как это ты такого зверя не побоялась?.. Такая маленькая. Чудно...

— Никакого слова я не знаю... — потупилась Оля, — просто за братика испугалась. Он бы его забодал. Сама не понимаю, как он меня послушался...

— Не-ет, знаешь, знаешь ты слово... — убежденно протянула все та же краснощекая женщина, — не хочешь говорить, таишься... Правду про вас говорят, что ваша бабка колдунья. Вот тебе и передалось...

— Бабушка Марфа никакая не колдунья, ничего и не передалось! — обиженно крикнула Оля. — Просто животные... Они все понимают. С ними по-хорошему — и они по-хорошему.

— Не хочешь признаваться, — протянул кто-то из толпы, — смотри, девка! С такими вещами не балуют.

Люди стали расходиться, обсуждая случившееся. Все сошлись во мнении, что дело нечистое, без ведовства не обошлось. Хорошо хоть, что ведовство это не во зло.

А Вася с тех пор стал замечать за Олькой много чего непонятного.

Вот и сейчас... Сколько они уже ходят, он и десятка грибов не нашел, а Ольга только успевает наклоняться. Он недовольно покосился на свою корзинку. Сестра заметила его взгляд, спрятала улыбку и отвернулась.

Совсем мало грибов. Куда меньше, чем у нее. Все оттого, что она глазастая. Это он давно знал: Ольга все замечает, ничего от нее не скроешь: ни припрятанную под подушкой рогатку, ни пряник, ни пятак. Как сквозь тебя глядит, знает про то, про что знать ей ну никак невозможно...



— Ты все по сторонам смотришь, оттого и грибы не видишь, — будто услышав его мысли, не выдержала, наконец сестра и потрепала брата по макушке.

«Ну, все, теперь задаваться будет», — недовольно подумал Вася.

— Грибы такие хитрые пошли, так и прячутся от меня, — проворчал мальчик.

— Это потому, что ты только хорошие ищешь. Ну-ка посмотри, что у тебя в корзинке: подосиновики, белые... Все сплошь благородные грибы. На другие ты даже не смотришь, а ведь они тоже хорошие. Если приготовить правильно — пальчики оближешь. Смотри, какие у меня... И сыроежки, и маслята, и лисички...

— Ну, и кто это есть будет? — презрительно скривился он.

— А мы их все вместе поджарим с картошкой да на сале с луком — ты в сковороде и не заметишь, какие где... Так вкусно получится, будешь есть и нахваливать, — засмеялась Оля.

Вася промолчал: он был не согласен с сестрой — но что тут попусту спорить? Ее не переубедишь. А потом окажется, что она и вправду была права. Но представить сейчас это невозможно. Сколько мальчик себя помнил, никогда такого не было, чтобы эти грибы в корзинку класть, всегда такие за сор считали.

На миг взгляд Оли затуманился, она слегка нахмурилась.

— А денег у нас сейчас нет, сам знаешь. Отец опять на колхозную работу не ходил. Хорошо, если ему отгул оформят. Все мать ждет, переживает. А есть-то нам что-то надо. Если сами себе пропитание не добудем, то зубы на полку положим. Иди, посмотри вон там, под елками...



Вася, послушно кивнув, принялся еще усерднее шарить под деревьями. Но как назло грибы и впрямь будто попрятались. Яркие краски и разноцветье сентябрьского леса, словно решившего покрасоваться перед холодным временем года, завораживали и отвлекали. Да и усталость сказывалась — поди с самого утра бродят, есть охота, во рту больше шести часов маковой росинки не было. Правда, под елками и впрямь стали попадаться грибы, и он сразу забыл про все свои горести...

А Оля осторожно подошла к большому валуну, лежавшему на краю глубокого, сырого оврага. Издали он был похож на огромное невиданное животное или чудище, выбравшееся из оврага и прилегшее отдохнуть. Внизу валун зарос мхом и лишайником, а ближе к закругленной вершине виднелась как бы широкая ступенька. В этой ступеньке было углубление, похожее на гнездо огромной птицы, несшей каменные яйца. В деревне говорили, что это не простой камень, когда-то давным-давно люди здесь молились лесным богам и духам, а чтобы умиловить их, в каменное гнездо наливали кровь. Чью кровь, не говорили, а Оля почему-то боялась спрашивать. Было жутко и непонятно. Бабушка Марфа говорила, что этот валун лучше обходить стороной, а если уж оказался рядом, то нельзя шуметь и громко разговаривать...

— Откроется — и пропадешь... — говорила бабушка.

— Что откроется? — не понимала Оля.

— Ну, ход там... Куда людям нельзя... — неохотно отвечала бабушка.

Сейчас Оля с любопытством смотрела на каменную глыбу. Камень как камень... Только громадный. И никаких

ходов ни в нем, ни рядом не видно. Она тихо обошла валун кругом. Ничего нет — мох, пожухлая трава, лишайник... Ей показалось, что в каменном углублении что-то алеет. «Кровь!..» — с ужасом подумала она. Но тут же увидела, что это кроваво-красные листья осины, почти доверху набившиеся в углубление.

Оля коснулась шершавого бока валуна. К ее удивлению, камень оказался теплым. Ей даже показалось, что под толстой каменной кожей что-то шевелится, слегка пульсирует. Не хотелось отрывать ладонь от теплого камня. Сама не зная почему, она прижалась к нему всем телом. Непонятный покой охватил ее. Казалось, что и этот лес, и низкое небо, и посвистывающий в ветвях ветер ей снятся, а сама она где-то далеко-далеко. Она почувствовала, что летит по широкому тоннелю. «Ход...» — вспомнила она слова бабушки Марфы, но ей совсем не было страшно. Внезапно ее полет оборвался. Она словно повисла над глубокой темной расселиной, в обе стороны от которой расходились широкие ходы. В одном было светло и спокойно, а другой пугал ледяной пустотой и мраком. Непонятно как, но она поняла, что всю жизнь будет идти между этим светом и мраком и никогда ей не удастся свернуть с этой узкой грани...

— Олька! Олька! Заснула ты, что ли... — услышала она голос брата и с недоумением огляделась. Может, она и правда заснула? И никакой этот валун не теплый — холодный и шершавый... И что это были за ходы? Приснилось... Но в глубине души она чувствовала, что это был не сон.

— Олька, тут грибов полно... — звал Вася. И она двинулась к нему, оглядываясь на огромную серую глыбу. Ей



показалось, что камень смотрит ей вслед жалеющим и добрым взглядом.

— Иду! — крикнула она и побежала к Васе.

Грибов под елками действительно было много, и они с увлечением принялись собирать их, хвастаясь друг перед другом очередной находкой.

Вдруг лесную тишину, особую, сотканную из чуть слышных, еле уловимых шумов — потрескиваний веточек, редкого теперь посвиста птиц, шороха листвы и чуть слышного шелеста травы, прорезали грубые и враждебные звуки: выстрелы, а затем лай собак. И снова выстрелы.

Дети застыли на месте, испуганно глядя друг на друга. Первой пришла в себя Оля, она положила руку на плечо брату и ободряюще зашептала:

— Охотятся, видать, тут. Не бойся, Васятка, это вроде не близко к нам. Ничего.

Но девочка ошиблась: звуки охоты становились все громче, охотники стремительно приближались. Уже можно было разобрать чей-то возбужденный голос, отрывистый лай псов, треск сучьев... Действительно, страшно... Оля испуганно прижала к себе брата.

Следующий выстрел раздался совсем рядом с ними. Вася вздрогнул и, не выдержав напряжения, вырвался из объятий сестры и бросился сломя голову прочь от этого места. С перепугу он не заметил небольшой, но все же слишком широкий, для того чтобы перепрыгнуть его, ручей.

Тоненькая жердочка, брошенная через ручей наподобие мостика, переломилась, но все же мальчик в последний момент успел прыгнуть на противоположный берег. Немного отбежав, он остановился и обернулся. Вася по-

нял, что отрезан от сестры, между ними теперь топкий ручей, и окончательно приуныл.

И тут же, как это часто бывает, события завертелись с такой скоростью, что он не успевал осознавать их, понять толком, что происходит, только смотрел во все глаза.

Он увидел, как из чащи выбежал на нескладных высоких ножках лосенок. В боку у него была рана, из нее хлестала кровь. Жизнь покидала его, было видно, что он уже в агонии, на губах пузырилась пена.

Заметив детей, лосенок испугался еще больше, но сил у него уже не осталось. Он начал заваливаться, припадать на колени и, наконец, рухнул чуть ли не под ноги девочке.

Оля неподвижно стояла над лосенком и оторопело смотрела на него. Казалось, она не понимает, что происходит. Кровь обильно текла из раны, земля тяжело набухала алым.

Лай собак раздался уже на соседней поляне: через несколько секунд они настигнут свою добычу и завершат начатое их хозяином дело.

— Оля, убегай, — истошно заорал Вася, — убегай! Спрячься куда-нибудь... Собаки уже совсем рядом, ты что? Они же разорвут тебя!

Но сестра сделала нечто непостижимое. Она поставила корзинку с грибами на землю и, вместо того чтобы помчаться прочь, опустилась на колени перед раненым животным и начала ласково его гладить.

— Оля! Убегай! Спасайся! — Вася почти хрипел от страха, но она не обращала на него ни малейшего внимания.

Только на мгновение она смерила мальчика таким взглядом, который появлялся у нее, когда он, балуясь, отрывал сестру от шитья или стряпни: немного строгий и на-



смешливый одновременно. Он понял, что она абсолютно спокойна, как будто забыла, где находится и что сейчас на поляну ворвутся разъяренные собаки и их хозяева. Кто знает, какие это люди — лихие или добрые? Время неспокойное, лихих-то нынче гораздо больше по лесам ходит. Эти, наверно, чужие, добра от них не жди, вон как псы заливаются, алчут крови...

Лосенок поднял на девочку полный страдания и боли взгляд, потом глаза его закатились в преддверии скорой смерти. Оля крепко зажала руками рану и вполголоса, точно молясь, быстро заговорила.

Вася невольно прислушался и разобрал обрывки слов:

— Пожалуйста... не умирай... живи... живи... Потерпи немного... сейчас пройдет... сейчас заживет, затянется...

Из чащи вынырнула свора собак. Истерически зайдясь в заливиستم лае, псы тут же бросились к раненому лосенку. Но тут снова произошло что-то невероятное. Одна за другой собаки сначала чуть замедлили бег, потом перешли на неуверенный шаг, а после и вовсе начали останавливаться, словно наткнувшись на невидимую преграду. Вася, чуть не падая в обморок от ужаса, перевел взгляд на сестру. Она медленно поднялась на ноги, встала, прямая как стрела, и посмотрела на собак в упор. Собаки неуверенно стали озираться по сторонам, что-то их пугало, будто они видели нечто, чего не видел Вася. Они начали жалобно поскуливать, боязливо поджимать хвосты и отступать.

И как раз в этот момент на поляне появился запыхавшийся хозяин собак, бородатый старик Пантелей.

Вася привалился к дереву и облегченно вздохнул, ноги его дрожали. Тот, кого они со страху приняли за несколь-

ких охотников, оказался знакомым. Дед Пантелей был из их деревни и даже жил неподалеку от них.

— Ух, это вы, дядя Пантелей! — воскликнул, наконец, мальчик. — А мы вас не узнали. Это вы лосенка подстрелили?

— Да я, черт его дери. Он ломанулся через овраг, мои собаки почти уже схватили его, но он все-таки ушел... А чего это вы скисли? Чего жметесь? — Он грозно прикрикнул на своих собак, потом присмотрелся к ним и удивленно добавил: — Да что это такое с вами? Чего вы боитесь?

Пантелей был заядлым охотником и держал у себя дома целую стаю собак. Собаки эти были злые, брехливые и полудикие... Может, они были такими от голода — Пантелей недокармливал их, считая, что они должны добывать себе пропитание сами... Теперь он не узнавал своих свирепых питомцев.

— Вы так ругались, что мы подумали, что там много людей, — продолжал тараторить Вася. Старик хмуро взглянул на него, кивнул, потом подошел к Оле.

— Ольга, ну чего ты? Жалеешь его, что ли? Брось ты это... Мясо — оно мясо и есть, — он с сочувствием положил руку на плечо девочки, взгляд его слегка потеплел.

Она ничего не ответила, полностью погруженная в себя, как будто пребывала в каком-то сне. Она опять встала на колени, склонилась над лосенком и исступленно гладила его. Лосенок лежал неподвижно. Казалось, что он уже умер, даже бока перестали судорожно вздыматься и опадать...

Но вдруг как будто волна прошла по телу животного. Лосенок вздрогнул, с трудом пошевелился, а потом внезапно вскочил и стремительно бросился прочь.



Вася охнул. Собаки завизжали и запрыгали, но не бросились вдогонку. Старик оторопело сморгнул и даже протер глаза — зрение уже не то стало, подводит, и старуха все зудит — купи в городе очки, мол, пусть тебе доктор выпишет. А что ему эти очки? Он как-нибудь свой век и так проживет.

Но сейчас Пантелей впервые пожалел о своем упрямстве: потом он так и не смог точно объяснить, что же случилось. Все в деревне, конечно, посмеивались, мол, дед Пантелей совсем глазами плох стал. Да только видел он, уверен был, видел все, о чем говорил, так же четко, как свои ладони. И то, что он видел там, на поляне, еще долго стояло перед его глазами. А видел он рану на боку животного, подстреленного опытной, недрогнувшей рукой. Это была смертельная рана, из нее хлестала кровь. А потом вдруг эта рана исчезла на его глазах, только бледненький рубец остался. Не могло у него уложиться подобное в голове, не было на то никакого разумного объяснения.

Пантелей как замороженный смотрел на место, где недавно лежал лосенок.

— Погоди, погоди, да что же это? — пробормотал он наконец, растерянно переводя взгляд с травы, на которой остались следы крови, на девочку и ее брата. — Да он же раненый был, помереть должен был. Вот тут вот лежал... Погодь, Оля, что это он, а? Почему так вышло-то?

Девочка легко поднялась с колен и пожала плечами, мол, не знаю, как так получилось, я ничего странного не заметила...

— А эти что? — старик обескураженно кивнул в сторону собак, которые пристыженно жались к кустам. И вновь ответом ему было молчание.



Пантелей выругался, развел руками, недоуменно разглядывая Олю.

Вася тем временем побегал по берегу ручья и, найдя место, где можно было его перейти, присоединился к сестре.

— Пошли, Васятка, домой, пора уже. Нам грибов хватит на несколько сковородок, — сказала Оля.

И, оставив ошарашенного, бормочущего что-то себе под нос старика на поляне, они побрели по лесу.

## Гроза

По дороге домой Вася опять задумался. Ему очень хотелось расспросить Олю о диковинном случае, но он не смел и рта раскрыть. Знал, что все равно сестра ничего не объяснит, загадочно так посмотрит и только на смех поднимет. Скажет, глаза есть, сам думай, что видел. А тут думай не думай: непонятно, и все. Лосенок же умирал? И кровь текла... А потом вскочил и убежал, и рана у него затянулась... Нет, не бывает так.

Они прошли сумрачную еловую чащу и, выйдя из леса, двинулись через большое, уже сжатое поле. Погода вдруг испортилась, небо посерело, подул порывистый ветер и начал моросить мелкий, колючий дождь.

— Как бы грозы не было... Правда, бабушка Марфа говорила, что осенью гроз не бывает... Так, иногда... — задумчиво проговорила Оля, озабоченно задрав голову. — А сейчас, смотри, вроде громыхает. И туча вон какая черная идет. Половину неба застит...



— Я грозы страсть как боюсь, — прошептал начавший дрожать то ли от холода, то ли от страха Вася.

— Я знаю, — усмехнулась Оля, забирая у братишки корзинку. — Вот что, Васятка, беги-ка домой, да пошибче.

— А как же ты?

В глубине души Вася тоже считал, что переживаний на сегодня ему хватит, но согласиться сразу было бы некрасиво.

Оля укоризненно кивнула на их добычу:

— А я потихоньку пойду, не бросать же грибы-то... Ведь весь день собирали. Я же не такая трусишка, как ты, — усмехнулась она.

Мальчик некоторое время колебался, но потом малодушно признал, что эту битву за взрослость он проиграл.

И, испытывая немалые угрызения совести, — одной дотащить тяжелые корзины Оле будет трудно, — Вася все-таки припустил со всей мочи домой. Он нестерпимо хотел побыстрее оказаться в теплой избе, съесть краюху хлеба с молоком, а потом прикорнуть где-нибудь у печки и забыть все злоключения этого дня. Завтра он отправится с Митькой на речку искать бобров и ловить рыбу. Авось и исправит свое сегодняшнее недостойное поведение.

Оля проводила Васю снисходительным взглядом, наблюдая, как его фигурка в великоватой телогрейке становится все меньше, превращается в точку, а потом и вовсе исчезает вдаль, там, где виднелись дома деревни.

Девочка взялась за корзины — свою, переполненную, и Васину — и с трудом поволокла их по полю. Порывы ветра становились все сильнее, дождь полил как из ведра. И впрямь началась неурочная осенняя гроза. Засверкали

молнии, гром раскатывался прямо над головой. Оля испугалась и зашептала: «Перекрестилась бы, да руки заняты...»

Грозы она особо не боялась, даже наоборот, любила побегать под дождем, крича и хлопая в ладоши от восторга, любила вымокнуть до нитки и, вернувшись в избу, переодеться в сухое, сидеть и слушать, как далеко грохочет удаляющийся гром и все слабее сверкают молнии.

Но это было летом, тогда и дождик идет теплый, и все быстро проходит. А сейчас ей почему-то было неприятно. Хотелось поскорее попасть в деревню, оказаться поближе к людям. Она прибавила шаг, но это не очень-то помогло — с такой поклажей не побежишь. К тому же она старалась не уронить ни одного гриба.

Она решила думать о хорошем — о том, как придет домой, почистит грибы, сварит суп и нажарит картошки, будет что поесть и отцу, и брату.

Молния застигла ее прямо посередине пустого поля, просвистел резкий порыв ветра, в глаза ударила яркая вспышка — молния попала прямо в девочку. Оля вскрикнула и упала, уронив корзины, из которых высыпались грибы.

Перед глазами покатались быстрые огненные круги, в голове разорвался горячий шар. Она почувствовала, как вдоль ее тела скользнуло что-то блестящее и горячее. Потом все исчезло.

Теперь она стала какой-то другой. Вроде бы она, но словно и не совсем она. Все как-то расширилось и при этом удалилось, отодвинулось.

Она видела людей, знала, что это были родные, ее, Оли Акимовой, но она сама уже не вполне была Олей Акимовой. Но знала — вот ее мать. Уже старая, вся в мор-



щинах от тяжелой работы, недугов, забот. А вот братишка Вася, но он какой-то чужой и странный, глаза холодные, лицо сильно изменилось, как будто ему лет тридцать... Но все же она знает каким-то внутренним знанием, что это ее брат.

Узкий тоннель. Как в калейдоскопе кружатся лица, знакомые и незнакомые, мелькают какие-то события, проплывают смутные видения. Вот усатый мужчина с тяжелым, как будто застывшим взглядом. Много ему придется вынести на своих плечах, за многое дать ответ. А вот заснеженный двор, обнесенный колючей проволокой, по углам вышки... Какое-то зарево, как костер, только огромное... Голубой, черный, багровый цвета переливаются, сливаясь, внутри. Зарево разгорается и тут же меркнет.

А вместо него возникает женщина, еще молодая и красивая, губы подкрашены, глаза подведены, гордая осанка, вполне себе приятная женщина. Только Оле страшно смотреть на нее, словно от этой женщины исходит какая-то недобрая сила... Мужчина в сером пальто, в руках у него пистолет, а взгляд спокойный и как бы сожалеющий...

Тело Оли скрутила мучительная судорога, девочку нещадно поливал дождь, крупные капли барабанили по лицу, по раскинутым рукам, худенькой шее и груди. Ватник распахнулся, из-под рубахи выпал крестик на шнурке. Крестик оплавился от удара молнии...

Тик-так, тик-так... Стучат часы с кукушкой. Старый дом скрипит от ветра. И хотя дождь почти кончился, тучи все еще выжимают из себя остатки влаги, еще немного покрывает. Но природа уже сменила гнев на милость, эта редкая осенняя гроза была бурной, но недолгой.

Васе уже, конечно, задали жару — за то, что сестру бросил. Правда, не по-настоящему, так, поругали слегка, отцу сейчас не до него. Да и сам парнишка успел сто раз пожалеть о своем поступке. Оля лежит на единственной в избе кровати, укрытая лоскутным одеялом, такая маленькая и жалкая, что у Васи каждый раз при взгляде на нее сердце сжимается от боли и сострадания. Если бы он знал, что так получится, выдержал бы, кажется, не только грозу, но и сражения с самыми страшными чудовищами, и с самим Петькой Соломатиным, грозой всех окрестных мальчишек. Только чтобы сестренка не лежала сейчас без движения, как сломанная кукла.

...Прошло уже полчаса, как Васятка прибежал домой — сквозь промокший и продрогший, а сестры все еще не было. Отец чинил старые сапоги — он иногда занимался сапожным делом себе в удовольствие, даже брал работу у людей.

Вася сбивчиво рассказал, как их застигла гроза, как он побегал скорее домой, а Оля осталась с двумя корзинами в поле и вот чего-то ее все нет и нет...

— Мало ли где девка укрылась, — заметил Иван, выслушав рассказ Васи.

— Так где же там в поле укроешься? — рассудительно заметил мальчик.

Забеспокоились по-настоящему только через час, бросились искать. Нашли девочку на поле, без сознания лежащей на спине в распахнутом ватнике. С головы слетел платок, русая коса вывалилась наружу, а мамкины резиновые сапоги лежат рядом.

Еле-еле разыскали районного фельдшера, дядю Володю, уговорили приехать. Пока суд да дело, прошел еще час. Все это время Оля находилась без сознания.



Наконец пришел фельдшер и склонился над ней, осмотрел девочку, сокрушенно покачивая головой и цокая языком. Смочил ватку нашатырем и поднес к носу. Оля вздохнула, поморщилась и открыла глаза.

— Доктор, как она? — умеряя свой зычный голос, спросил Иван. Все это время он места себе не находил, все ругал себя, что не сразу спохватился, думал, спряталась где-нибудь девка, переживает непогоду.

Вася исподволь засмотрелся на отца — статный, крепкий, еще не старый мужчина с красивым лицом. Только вот жаль, что любит закладывать за воротник — в глаза это еще не бросается, но уже потихоньку начинают проступать пока еще еле заметные отпечатки его пагубной привычки — опухшие веки, красноватый цвет лица, какой-то жадный и одновременно жалкий взгляд.

— Пневмонии вроде нет, и она сама нетронутая, ни царапинки, ни обширного ожога, только вот тут, на груди, погляди, следы...

Отец нагнулся и действительно увидел аккуратный красноватый шрам — ровно по форме расплавленного крестика.

— Ты теперь словно Богом отмеченная, — пошутил фельдшер.

Девочка слабо улыбнулась в ответ.

— И больше ничего? — недоверчиво уточнил Иван. — Погляди, может, что просмотрели?

— С ней все в порядке, просто удивительно. Ведь молния ударила совсем рядом...

Дядя Володя даже не мог предположить, что разряд прошел через тело девочки.

— А грибы? Грибы? — Оля с трудом подняла голову и нашла глазами брата, потом охрипшим голосом переспросила: — Грибы принесли?

Вася беспомощно огляделся и виновато покачал головой. В суматохе все забыли о корзинках, они так и остались лежать в поле. Она укоризненно вздохнула и, устало откинувшись на подушку, закрыла глаза.

— Тьфу, ерунда какая, грибы. Мы еще много-много наберем, — утешая девочку, сказал отец, — главное, ты сама-то жива осталась.

— Тебе очень повезло, — серьезно кивнул фельдшер, — немногим удастся выжить после удара молнией. Как ты себя чувствуешь?

— Ничего, нормально вроде. Только голова болит и спать хочется, — после некоторого раздумья сказала девочка.

— Ну, это как раз неудивительно, после такого потрясения, — усмехнулся фельдшер.

— Ты спи, спи, касатка, — засуетился отец и подоткнул со всех сторон одеяло.

Руки его слегка дрожали, что не ускользнуло от внимания фельдшера.

— Пошли, — кивнул ему Иван, и они вышли в сени. На улице уже ничто не напоминало прежнего буйства природы — светило неяркое осеннее солнце, на траве блестели капли воды.

— А где ее мать-то? — небрежно спросил фельдшер, сворачивая самокрутку.

Иван поднес ему спичку, скрутил себе сигарку и затянулся пахучим дымом.



— Да в рейсе она. Приедет не скоро, дней через десять. С почтовым вагоном поехала, — неохотно пояснил он, и было видно, что это сообщение почему-то дается ему с трудом.

Фельдшер задумался над его словами, как будто в них был какой-то потаенный смысл, потом сказал:

— Ты ей передай, пусть за девкой приглядывает, хотя бы первое время. А то мало ли чего может случиться. Все же удар был сильный, как потом на организме скажется — неясно.

Иван кивнул, сунул ему деньги и, проводив до калитки, вернулся в дом.

После того как взрослые ушли, Вася робко подошел к кровати и уставился на сестру. Она лежала неподвижно, закрыв глаза.

— Как это? — шепотом спросил он, замирая от любопытства. Оля на вопрос никак не отозвалась, и мальчик решил, что сестра спит и не слышит его. Но через долгих полминуты веки ее вдруг дрогнули, она приоткрыла глаза и грустно спросила хриплым голосом:

— Что — как?

— Ну, там, когда молния... Что ты чувствовала?

— А ничего не чувствовала, — зевая, равнодушно ответила девочка.

В этот момент вошел отец и тут же набросился на сына.

— Ну что, паршивец, загубил сестру? — страшным голосом рявкнул он.

— Пап, не надо, не ругай его... Это я сама, — подала слабый голос Оля, — сама ему приказала. Он меня послушался...

— А ты сама тоже получишь, думаешь, нет, что ли? Удумала — мальчика одного вперед отпускать. Кто работать будет, если помрешь? — кричал отец.



Но, несмотря на грозные слова, было видно, что отец не сердится, наоборот, слегка подшучивает над детьми, ждет, как они отреагируют.

Васятка, уже было решивший, что ремня ему все-таки не миновать, облегченно выдохнул. Вроде отец добрый, видать, успел слегка принять на грудь, пока в этой кутерьме искали сестру да бегали за фельдшером.

Иван грузно уселся за стол, откупорил наполовину початую бутылку, плеснул в стакан и махом опрокинул. Крякнул, закусил соленым огурцом и тут же налил еще.

— Пап, может, не надо? — Вася робко потянул его за рукав, но, наткнувшись на стальной взгляд, тут же отскочил. Мешать отцу выпивать — занятие опасное, тут легко можно тумачков получить.

Со стороны кровати раздался легкий вздох.

## Мать

Дед Пантелей вернулся в этот день домой только к вечеру, задумчивый и молчаливый, такой, что жена только диву давалась. Он решил, что будет держать язык за зубами, но вскоре все же не выдержал и рассказал про лосенка соседу, записному деревенскому сплетнику. Так и пошла эта история гулять по всей деревне. В большинстве своем народ, конечно, не верил в чудесное исцеление, только скептически посмеивался. Предполагали, что или лосенок был ранен только слегка, или старику все привиделось. Но находились и такие, которые, выслушав эту историю, вспоминали и особую Олину пронизательность и прозорливость, и не по годам



развитую рассудительность, и какую-то взрослую разумность. К тому же это жутковатое происшествие с молнией и чудесным выздоровлением девочки добавляло масла в огонь.

Словом, всяк толковал по-своему, но в итоге как-то решили считать за лучшее, что старик выжил из ума. Но многие про себя стали относиться к Оле все же с некоторой опаской — мало ли наворожит чего. Те же, у кого в семье были какие-то беды, наоборот, воспряли духом, сердце их преисполнилось надеждой — ведь непростая эта девчонка у Акимовых, совсем непростая... Когда беда стучится в дом, тут уже ничего не страшно, кроме нее самой — несчастные люди цепляются за надежду до последнего...

Уже на следующий день Оля начала потихоньку вставать и ходить по комнате. А к вечеру, несмотря на строжайший запрет отца, принялась за работу — мелкую, но столь необходимую в любом хозяйстве: помыть посуду, приготовить еду, подмести горницу, покормить домашнюю живность — более не более, а этого за нее никто не сделает. В этом ей никто и помешать не мог — сам Иван все же отправился на работу в этот самый колхоз. После случая с Олей он как будто внутренне собрался и, осознав ответственность за семью, решил взяться за ум — не прогуливать больше работу. Все-таки, может, чего и выйдет из этого колхоза путное. Тем более все равно деваться некуда.

Через три дня Оля уже совсем поправилась, пошла в школу и вновь, как и прежде, бегала по двору, ловко орудовала на кухне, управлялась со скотиной, приглядывала за малолетним братом и вообще волокла на себе весь дом. Только шрам на груди, быстро ставший бледно-розовым, и напоминал о случившемся. Но он не был никому виден —

Оля сразу укрыла его рубахой. Такая манера сохранится у нее на всю жизнь — она всегда будет надевать закрытые платья с глухим воротом, чтобы невзначай не открылось не предназначенное для чужих глаз.

И все вроде бы стало, как и прежде. Все, да не совсем. Только Вася и заметил некоторые странности в поведении сестры, такие, что постороннему, да что там — отцу скажи, он только покрутит пальцем у виска и скажет: «Что дурью маешься?» К тому же с отца что взять, не до этого ему, устает на работе. Вечером придет, пропустит стакан и завалится спать.

А вот для Васи эти изменения хоть и казались сущей мелочью, но были вполне очевидны.

Нет, внешне это была та же Оля. Сестра все так же смеялась, шутила, легко бралась за любую работу и споро выполняла ее, но только взгляд у нее стал чуть грустнее, и молчала она чаще, чем обычно, и порой столбом застывала на месте. Раньше такого за ней не водилось.

Всегда у нее в руках все горело, крутилось, вертелось, то нитка с иголкой, то вязальные спицы, то лопата или кирка, то тряпка. Она или шила, или готовила, или вязала, а в свободную минуту, если такая выпадала, тут же хваталась за любимое вышивание. А тут — стоит по полчаса в задумчивости, смотрит вроде как в окно. А взгляд отсутствующий, ничего не видит. Или *видит* что-то свое, неведомое... Окликнешь ее, встрепенется, посмотрит на тебя, но ясно, что не здесь она мыслями. Поет теперь совсем редко. Голосок у нее был хоть и слабый, но приятный и нежный. Раньше, бывало, когда работает, все поет-заливается. Теперь молчит, губы сжаты, о чем-то своем думает.



Никогда такого не было. Отец ничего этого не замечал. Конечно, где ему.

А вот Вася не на шутку испугался и все искал в сестре признаки того, что ошибся, почудилось ему, но находил только подтверждение замеченным переменам.

Играли они все реже. Раньше, бывало, то в догонялки, то в прятки, а теперь у Оли то времени, то желания нет. И вся она стала какая-то чужая и отстраненная — грустит постоянно, словно томится от какой-то непонятной печали, изнывает от тяжелого груза, словно она взрослый человек, а не ребенок.

И хотел бы Васятка не думать об этом, да не мог — прямо как подменили сестру. И что с этим делать, он совсем не знал, поэтому решил прежде всего дождаться матери и рассказать ей обо всем.

Мать у них была красивая и бедовая. Так говорили про Анну на деревне. Работать в колхозе да по хозяйству ей было тяжело и скучно. Не любила она деревенской жизни, потому и подалась работать на станцию, находившуюся в шести километрах от их глухой, лесной деревни. На станции работал дядя матери — Михаил. Он и пристроил племянницу. Сначала мать убирала вагоны после рейса, потом помогала дежурному по станции, а потом ее прикрепили к почтовому вагону. Она стала ездить с почтой в дальние рейсы — принимала на станциях «корреспонденцию» — детям было не очень понятно это раскатистое слово, — сортировала, сдавала в пункте назначения. Работа эта матери нравилась. Особенно нравилось ей, что на этой работе можно было приторговывать всякой всячиной. На станции у большой реки купишь рыбы

вяленной или сушеной, а километров за двести от нее продашь вдвое дороже. Мужики под пиво охотно берут. Да многое можно было придумать, только поворачивайся. И люди кругом, есть с кем словом перекинуться, новости всякие послушать, как люди живут, поглядеть. И в дом чего-нибудь всегда привезти можно, даром что зарплата не больно-то большая.

Конечно, при такой жизни дома она бывала не часто, но жить в деревне она не могла и все подбивала отца продать дом и податься всей семьей на станцию.

— Работу найдешь, там люди всегда требуются... — уговаривала она Ивана.

Но он все медлил, не решался. Ему трудно было расстаться с деревней, где он вырос, где всех знал. И мать, жившую в соседнем селе, тоже оставлять не хотелось. Она уже старенькая, ей помощь нужна.

Вот так они и жили: мать моталась по «рейсам», отец с детьми колотились по хозяйству. Деревенские не одобряли такой жизни: осуждали мать и жалели детей.

Близилась холода. Брат с сестрой часто теперь ходили за хворостом, чтобы было чем топить печку: хороших дров ведь не напасешься.

Наконец ударили первые заморозки. В то утро Оля поднялась еще раньше обычного — нужно было сбегать за хворостом, успеть до школы. Вчера она собрала большую охапку, да всю донести не осилила, принесла только половину. Теперь она отправилась за другой половиной. Вернулась домой в начале шестого утра. Войдя в сени, глянула на свои замерзшие красные руки и, скинув на пол вязанку, подула на ладони, пытаясь отогреть их.



И вдруг застыла — в доме послышался знакомый до боли родной голос. Она затрепетала, через мгновение ворвалась на кухню и прижалась всем телом к матери — статной женщине в железнодорожной форме. Иван сидел за столом уже причесанный и умытый, несмотря на ранний час.

— Ну-ну, дай матери с дороги отдохнуть, почитай, вторые сутки не сплю, — рассеянно погладив дочь по голове, проговорила Анна и отстранила девочку от себя. Оля отошла в сторону и уставилась на мать сияющими глазами.

— Ох, какой рейс долгий да длинный был, да еще на каждой станции стояли. Один военный всю ночь пил, говорят, весь вагон перебудил, пришлось сдавать его на Тарховке в милицию, — пояснила Анна.

Она презрительно подняла с пола и кинула на стол сумку, из нее посыпались сушки и упаковки с солью.

— Вот, паек достала, — хмыкнула она.

— Иди, малая, корову выведи, — распорядился Иван, — дай нам посекретничать. Поди, мать столько времени не видел.

Ольга недовольно вздохнула, но послушалась. Правда, выходя, она чуть задержалась в сенях и прислушалась к разговору. Ей отчего-то стало тревожно.

Иван уставился на чуть оттопыривавшуюся, несмотря на широкую форму, рубашку, прикрывавшую живот жены.

— Ты что это, Нюша, вроде как пополнела? — осторожно заметил он, прихлебывая горячий чай из большой кружки.

— Да, есть такое, — односложно ответила Анна, — что, не нравлюсь больше?

— Ну почему? Наоборот.

— А это что? — Анна показала на жирное пятно на столе и, схватив тряпку, с ожесточением принялась оттирать его. — Совсем дом оставить нельзя, приедешь — обязательно что-нибудь сломаете, испортите. Тебе вообще на все наплевать, небось целыми днями водку глушишь.

— Зря ты так, Нюша. Я на работу хожу. А Оля очень хорошо по хозяйству справлялась. Весь дом на ней был, нас, обоих мужиков, обстирывала, готовила, убирала. Несмотря на то, что ей восемь всего. Ну, недосмотрела за чем немного, ничего страшного.

— Ах, вот как, — язвительно заметила Анна, — новую хозяйку себе нашел.

— Зачем ты так? Про дочь-то, — укоризненно заметил Иван.

— Умаялась я вся, места живого нет, а он тут заливаясь соловьем. Днем и ночью на работе своей треклятой пропадая, ни секунды отдыха не знаю — принимаю почту, сортирую, сдаю... А ты тут вольготно устроился.

— Что на тебя нашло-то? Чего завелась с порога?

— Да ничего. Я беременная, — просто сказала Анна через небольшую паузу.

Некоторое время Иван оторопело смотрел на жену, потом пробормотал:

— Да что ты? Ты не шутишь? Что это значит? Ты про ребенка скажи, как же это получилось так?

— Вот так.

— Не пополнела, значит? — выдохнул он, как будто осененный какой-то мыслью, показывая на ее живот.

Анна угрюмо кивнула.

— И... и давно?



— Месяца три как уже.

— Как это? Это когда вы во Владивосток ездили? — оторопело уточнил Иван. — Что это такое? — Он никак не мог собраться с мыслями.

— Что-что? То! — Она зло сплюнула, кинула тряпку в ведро, села за стол и, обхватив голову руками, заплакала.

— Что? Мой... ребенок? — запинаясь, проговорил Иван, не глядя в глаза жене, не смея поверить в страшное и уже зная, что это правда. — От кого ребенок? — еще раз тупо переспросил он.

Анна молчала, потом вдруг вскочила и зло выкрикнула:

— Да уж не от тебя, забудыга!

— Как это, Нюша?

— Да тебе вообще на все наплевать, чего удивляешься?

— А от кого? — буднично, тихим голосом, не предвещавшим ничего хорошего, проникновенно спросил Иван. — Ты скажи, от кого?

— Не твое дело, — чуть придя в себя и слегка остыв, произнесла Анна, поднимая руки и будто загораживаясь ими.

— От кого? — заорал Иван и в ярости запустил чашкой, из которой только что пил чай, в стену. Она разлетелась на мелкие осколки в нескольких сантиметрах от головы Анны. Иван отшвырнул стол, как игрушку, и бросился на женщину. В этот момент на кухню ворвалась Оля и принялась с плачем оттаскивать отца от матери. Он стряхнул ее, как котенка, но отвлекся и потерял несколько секунд. Анна уже выскочила из избы и, голоса, побежала по улице.

— Ну вот, — разом поник Иван, — не дала мне проучить мамку. А у тебя теперь братик будет или сестричка. Так-то вот.



Он поднял опрокинутый стол, поставил его на место и сел, закрыв лицо ладонями.

— Не надо, папочка, — сидя на полу и потирая ушибленный бок, взмолилась Оля, — не сердись на нее.

Слезы текли у нее по лицу, но она даже не замечала их.

— Не-ет, так дело не пойдет... — горестно бормотал Иван, — ты прости меня, касатка, что ударил, невзначай.

И, пряча от дочери глаза, он вскочил и сам не свой выбежал из избы.

Боль скоро утихла. Под натиском каждодневных забот Олины тревоги за родителей слегка отошли на задний план, уступив место мыслям неотложным — где взять перловки на суп и когда бежать в сельпо за маслом. Потом нужно было кормить Васятку обедом, после замачивать белье...

К вечеру она совсем забегалась и пропустила момент, когда в дом вошел отец, покидал в мешок несколько своих вещей, рабочие инструменты и тихонько вышел.

Анна, скрывавшаяся весь день у своей подруги — колхозного счетовода Людки, через некоторое время явилась домой. Мужа не было, и она вздохнула с облегчением, ничего не заподозрила. А Оля долго еще потом себя ругала, что не заметила, как ушел отец, не задержала его.

Иван не пришел ни вечером, ни на следующий день.

— Ничего, погуляет, перебесится и вернется, — нервно заявила Анна присмирившим детям.

А вскоре кто-то рассказал, что отца видели в другой деревне, в доме его матери, и что он пьет.

Через пару дней состоялось небольшое семейное собрание. Говорила мать, Оля и Вася слушали, опустив глаза. Все предчувствовали, что в их жизни грядут большие пере-



мены, только не знали — хорошего от них ждать или плохого...

— Батька ваш свалил, значит, теперь там пить будет, так оно интереснее и проще. Залил глаза и ни о чем не думаешь, — заявила мать, презрительно скривившись. Только так и объяснила она детям отсутствие мужа. И хотя Оля слышала ссору родителей своими ушами и отчасти присутствовала при ней, знала и причину ее, она промолчала.

Анна немного подождала, потом тихо и горько добавила:

— Ничего, сдюжим как-нибудь. Иди, уложи брата, Олюшка. Завтра нам предстоит трудный день.

## Бритва

Они зажили втроем. Иван, хоть и был непутевым, как считала Анна, но все же по хозяйственной части со своими обязанностями управлялся — мог и крышу подлатать, и тяжелые доски перетащить, и дров нарубить, и вообще следил за порядком. Без мужской руки дом потихоньку приходил в упадок — хотя Анна и Оля старались изо всех сил. С Васи-то что взять — кроха совсем, пять с лишним лет. Но Оля, хоть и умелая, но тоже еще дитя малое, а Анна беременная.

Она уезжала теперь недалеко и ненадолго, попросила, чтобы в дальние командировки ее не отправляли — все же на сердце беспокойно: двоих маленьких детей без присмотра надолго оставлять.

Вася и хотел было поговорить с матерью о сестре — да понимал, ей сейчас не до того.

А Оля превратилась в настоящую тень Анны — когда мать была дома, она ходила за ней следом, словно боялась, что та вдруг исчезнет или убежит куда-нибудь. Та с недоумением то и дело замечала взгляд дочери — задумчивый и как будто жалеющий ее. Сначала она только диву давалась, но постепенно это стало ее раздражать, женщина начала покрикивать на Олю.

— Чего вылупилась? Дел нет? Иди корову подои, кричит уже второй час, — вскидывалась она на девочку.

Дочь тут же безропотно бросалась исполнять приказание и на время исчезала, но уже скоро Анна опять ловила на себе мягкий свет ее неожиданно взрослых и, казалось, все понимающих глаз.

Вася переменялся не меньше сестры, только в худшую сторону — принялся хулиганить и совсем отбился от рук, доставляя Оле дополнительные заботы. В отсутствие отца он как будто решил, что теперь стал главным мужчиной в семье и может не слушаться женщин.

От отупляющей работы по дому Анна становилась все более раздражительной, ни один вечер не обходился без тычка или затрещины, доставалось и дочери и сыну. Она всегда находила к чему прицепиться и по поводу чего выразить свое неудовольствие. Дети словно постоянно напоминали ей об Иване, и напоминание это было болезненным.

От внимания матери не ускользнул и тот факт, что про Олю ходят какие-то странные слухи.

— Ты хоть знаешь, что люди про тебя болтают? — как-то, моя посуду, спросила она у дочери.

— Про многих всякое болтают, — уклончиво ответила Оля. Она помогала матери — вытирала полотенцем тарелки и ложки.



— Да нет, такое, как про тебя, ни про кого больше не болтают, — возразила Анна, пристально оглядывая девочку. — Что там было, на поляне, а? Мне-то расскажи.

— Так все и было, как говорят.

— Не ври, — закричала вдруг Анна и, не сдержавшись, наотмашь ударила дочь по лицу. — Врешь, чертовка, изобью, выгоню. Ведьма ты, что ли? Говори, что было?

— Ничего, мамочка, — Оля отскочила от матери и начала всхлипывать, — лосенок просто встал и убежал. Я очень хотела, чтобы он выздоровел. Но я не знаю, почему так произошло...

Анна в досаде швырнула тарелку на стол и вышла из кухни.

Настало первое ноября. Оля потом часто вспоминала этот день и неприятно поражалась — почему тогда с утра ничего не подсказало ей, что день этот несет большие неприятности, отголоски которых будут эхом доноситься сквозь годы и необратимо, хоть и незаметно, поменяют жизнь ее и всей их семьи. Все события в жизни связаны невидимыми нитями, и нити эти подчас прочнее канатов. Не разорвать их никакой силой.

Анна в этот день затеяла стирку — на реку из-за холодов ходить уже было нельзя, поэтому она нагрела воды, налила ее в корыто и принялась за дело во дворе. Мало-помалу она увлеклась работой, разогрелась и не сразу заметила, как возле калитки остановился высокий плотный мужчина с рюкзаком за плечами, одетый по-городскому. Он долго наблюдал за женщиной, чему-то молодежески усмехаясь в усы. Наконец, она почувствовала на себе его прямой нескромный взгляд, обернулась, открыла было рот, чтобы дать отпор охальнику, как вдруг узнала его.

— Ты? — Анна выронила узел мокрого белья, которое собиралась развесить на веревке, и оно упало в грязь. И непонятно было в этот момент, чего на ее лице больше — тоски или радости...

— Ну, я. Не узнаешь? — пошутил мужчина.

— Да как же не узнать...

— Ты чего такая, сама не своя? — усмехаясь, он неловко отворил калитку и вошел.

— Разыскал, — охнула женщина, еще не до конца веря своим глазам.

— Разыскал, — подтвердил мужчина, широко улыбаясь и по-хозяйски осматривая двор и хату. — Или не рада, что ли, в конце концов?

— Да ты что, рада я тебе, Витенька, рада, — ошалело ответила Анна, как-то криво улыбнулась и всплеснула руками, — я все не могу понять, не привиделось ли мне, не сон ли это...

Усатый Витенька раскрыл широкие объятия и привлек к себе женщину, потом чуть отстранился, цепким взглядом оглядел фигуру Анны и сразу заметил округлившийся живот.

— На сносях?

Анна опустила глаза и кивнула.

— Мое дите? Ну, пойдем в хату, поговорим.

В доме гость сразу заполнил все пространство — голосом, руками, телом и размашистыми движениями, комната сразу как будто стала меньше. Он много говорил и много ел. Казалось, он находился везде одновременно, от него нельзя было укрыться ни в одном уголке сразу ставшего тесным дома. Даже выгоревший, издававший виды вещмешок, который он поставил у ног, издавал резкий неприятный запах.



— Это солярка, — нравоучительно пояснил он Васе, с любопытством приглядывавшемуся к гостю и его поклаже. — Я же говорил, что приеду. Разыщу тебя и приеду. Чего тебе, думаю, с твоим пьяницей вековать? А тут, оказывается, он и бросил тебя, кстати.

Анну едва заметно передернуло от этих слов, но она ничего не ответила.

— Теперь вместе жить будем. Я взял отпуск надолго, — уверенно продолжал Виктор.

Оля стояла у окна и, теребя занавеску, исподлобья наблюдала за гостем.

Анна хлопотала, накрывала на стол и беспрестанно кивала. Видно было, что она робеет перед Виктором и чувствует себя не в своей тарелке.

— Давай теперь с детьми твоими познакомимся. Пускай подойдут поближе...

Анна махнула Оле и Васе рукой, и они нехотя подошли.

— Ну, что, дармоеды? — Виктор цепко оглядывал ребят, жавшихся к подолу матери.

— Идите, здоровайтесь, — она вытолкнула их вперед, — это дядя Виктор, он теперь будет жить с нами. Заместо папки, — желчно добавила она.

— Не хочу его заместо папки! — закричала Оля и шагнула назад.

— А ну-ка рот закрой, молокососка! — прикрикнула на дочь Анна. Оля упрямо взглянула на мать и вдруг столкнула тарелку с супом, из которой ел гость, на пол. Кусочки картошки и лука разлетелись по полу, некоторые оказались у Виктора на лице и одежде.

Вася заплакал, непонимающе переводя взгляд с сестры на мать, сердцем чувствуя беду.

— Так, — тяжело произнес Виктор, — разбаловала ты их. Ну, ничего, я тут порядок наведу.

И, медленно отряхнувшись и очистив рубаху, вышел из избы. Анна с воплями бросилась вслед за ним, успев бросить на дочь взгляд, который не предвещал той ничего хорошего.

Вечером Анна отхлестала дочь по щекам, приговаривая:

— Ишь, разошлась! Да кто ты такая? Это мой дом, приведу, кого хочу, тебя не спрошу. А не нравится, вали-ка к своему бате. Виктор ничем не хуже Ивана, а может, еще лучше. Будешь с ним жить и папкой называть, поняла?

Оля во время экзекуции не проронила ни слова, только изредка смахивала злые слезы. Анна поразилась строптивости такой обычно покладистой дочери, не перечившей ей ни в чем. «Ну, ничего, видать хорошо, что Виктор вовремя появился. Он ей рога-то пообломает. Все же в доме нужен мужчина, чтобы с детьми управляться, а то распустились. Будет их в кулаке держать, ничего...»

Слухи прокатились по деревне быстро, дошли они и до Ивана — он в ту неделю запил совсем по-черному и целыми днями не вставал с кровати.

Для Оли с Васей наступили тяжкие времена. Над ними словно заволокло некогда светлое небо, и настал вечный сумрак.

Теперь мать совсем не обращала на них внимания, а попреков от нее стало еще больше — Виктор словно ревновал к любой минутке, потраченной не на него, и придирался к детям по мелочам, все время чего-то требовал и был всем недоволен.



В доме стало неуютно и будто темно. Лишний раз Оля и Вася старались не попадаться отчиму на глаза и шмыгали по дому только по необходимости, словно мышки. Каждая встреча с ним была чревата неприятностями.

Очень скоро стало ясно, что по части увлечения «зеленым змием» Виктор намного перещегоолял их отца. К тому же, в отличие от доброго Ивана, он обладал крутым и скверным нравом, особенно буйным и агрессивным становился во хмелю, часто поколачивал и детей, и свою новую сожительницу. Но, глядя на милующихся взрослых, можно было подумать, что женщину все устраивает.

Виктор работал на станции, там и познакомились с Анной. Во время Гражданской войны, по его словам, он воевал, по ранению его комиссовали. Сейчас он взял большой отпуск, который ему полагался за какие-то прошлые заслуги, и решил пожить у Анны.

Однажды Оля подслушала любопытный разговор. Виктора не было дома — уехал в областной центр по своим делам.

Анна сидела на кухне с той самой «счетоводкой» Людкой, своей товаркой и главным доверенным лицом. Когда выпадала свободная минутка, подруги любили расположиться на лавке перед домом и, жмурясь от солнца, поткровенничать по-бабски, поговорить по душам. Сейчас перед ними стояла бутылка водки, которая существенно способствует подобным беседам. Значительная ее часть уже перекочевала в Людкин желудок. На столе лежали чеснок, огурцы, сало, хлеб.

Анна тоже налила себе стопку и сейчас задумчиво смотрела на нее.



— Да брось, Анька, у тебя ж пузо скоро на лоб полезет, зачем тебе хлестать эту отраву? — прикрикнула Люда. — Урода родишь и всю жизнь будешь за ним горшки выносить? Поберегись лучше.

Но Анна, не обращая внимания на слова подруги, медленно поднесла рюмку ко рту и опустошила.

— Ну, туда ему и дорога, — произнесла она, словно какой-то тост.

— Это ты о Ваньке-то?

— О нем... Ишь, сбежал от меня. Раньше кумекать надо было. Я по полтора месяца в рейсе, что он себе думал? А мне тоже ласки хочется и тепла, — зло выпалила женщина, глаза ее повлажнели, она быстро размазала кулаком по лицу мелкие злые слезы.

Людка понимающе кивнула, тоже глотнула водки, закусила соленым огурцом, кинула ломоть сала на черный хлеб и, с аппетитом жуя, заметила:

— Анька, я что-то только одного не понимаю. Он же пьет не меньше твоего Ивана. А то и побольше. Да и по характеру скверный. Какой смысл шило на мыло менять?

Анна только досадливо махала рукой.

— Я тебе скажу как на духу, — продолжала изрядно захмелевшая Людка, — ты с норовом, но какая-то бесцельная. Сама не знаешь, что тебе от жизни требуется, как былинку ветер качает. Когда тебя в оборот берут, так ты на все согласная становишься. Не любишь ты его, помани мое слово, не любишь. Чего терпеть? Ты сама решай, с кем жить хочешь.

— Да не примет меня Иван обратно, — хмуро отозвалась после долгого молчания Анна, — и не пойду я к нему, незачем.



— Эж, какая ты гордая!

— А этот! Приперся, ждали его, — с неожиданной ненавистью сказала Анна. — Думает, я ему теперь ноги буду мыть от счастья, что взял меня, разведенную навроде как. Конечно, обстирывай его, обихаживай. Что ему, плохо ли?

— Ох, Анька, сейчас мужиков стоящих нет, — пригорюнилась Людка.

— Деньги у него водятся, это правда. Да и на подарки он не жадный — вон все мне из города возит — то бусы какие, то сладости. А это любой бабе приятно, что тут скажешь.

— Ты гляди, думай сама.

— Да я думаю. Только ничего путного не надумала.

— Когда мой Сенька свалил, хоть волком вой, тоска брала, думала, руки на себя наложу, землю грызть хотелось. А теперь ничего, даже рада.

Анна только скептически покачала головой...

Гроза грянула неожиданно. К тому моменту дети даже несколько смирились со своим положением, если не привыкли к нему. Виктор в тот день был с похмелья после долгого запоя. Он лежал, развалившись, на кровати и страдал. Вася возился в уголке с игрушками, Оля хлопотала по хозяйству.

— Пацан, принеси-ка мою бритву, — небрежно бросил Виктор.

Мальчик застыл на месте от ужаса. Дело в том, что бритва отчима и была его самой главной проблемой в последние дни. Эту самую злосчастную бритву Вася испортил. Мастерил себе пароход из дощечек, нужно было изготовить мелкую деталь. Он взял острую бритву и нечаянно сломал лезвие. Он старался не думать об этом, надеялся

на чудо — может, отчим забудет про бритву или она сама как-нибудь починится...

— Ну! — в нетерпении гаркнул Виктор. — Что стоишь, олух?

Времени, чтобы сообразить, как поступить, не было, и Вася не нашел ничего лучше, чем принести бритву как есть, испорченную, только соединил место разлома клеем, так, что издали было незаметно.

Виктор взял бритву, и она тут же развалилась у него в руках на две половинки.

— Ты сломал ее, убудок! — злобно взревел он. Где-то внутри себя он даже обрадовался — будет повод сорвать на ком-то свою злость, авось, и полегчает. — А ну неси мой ремень!

Вася затрепетал как осиновый лист. Он не раз испытывал на себе тяжелую руку отчима — после порки нельзя было дня два садиться — все равно вскочишь как ужаленный.

— Ну ладно, — Виктор спустил ноги с кровати и самостоятельно отправился за ремнем, потом схватил мальчика за ухо и потащил к лавке.

— Не трогайте его! — бледная Оля, дрожавшая сейчас не меньше Васи, встала на пути Виктора.

— Да ты-то отвали, — Виктор брезгливо схватил ее за плечо и хотел оттолкнуть в сторону, но тут же отдернул руку и вскрикнул. Оля изо всех сил укусила его за палец. От растерянности Виктор отпустил ухо мальчика.

— Беги! — крикнула Оля брату. Вася не заставил себя уговаривать, зайцем проскользнул между ног Виктора и ринулся из дома. Отчим тем временем пришел в себя и грозно наступал на девочку, но она не растерялась и, схватив со стола ковш с горячей водой, плеснула прямо



перед ним. Он отскочил в сторону, и Оля тоже выскочила на улицу, догнав брата у изгороди.

— Попадет нам теперь, домой ворочаться нельзя, — прошептала она Васе.

— А ну вернитесь, паршивцы! — раздался на крыльце властный голос матери, которая, услышав шум, проснулась и была уже в курсе событий.

— Никуда они не денутся. Жрать захотят — вернутся, — презрительно изрек Виктор, тоже вышедший во двор и потиравший укушенный палец. — Что ты с ними цацкаешься, не пойму? До старости будешь пеленки им стирать? — и добавил, помолчав: — Ну, теперь пусть только явятся, я им задам. Чувствительно, тварь, укусила.

Оля, прижавшаяся к оgrade и державшая брата, главную свою ценность, за руку так крепко, что ему даже стало больно, услышала эти слова, несмотря на то что стояли они далеко — слух у нее был отменный.

— Ни за что! — всхлипывая, крикнула она. — Мы к отцу жить пойдем, а сюда никогда не вернемся. Никогда, слышите? Живи, мамка, с ним сама, а мы не будем.

Анна только покачала головой, и довольный Виктор увлек ее в дом, тщательно запер дверь на все засовы и в довершение еще на огромный крюк.

На душе женщины было беспокойно. Смутная тревога мучила ее. Но в конце концов она решила, что у нее есть Виктор, а скоро будет еще один ребенок. А эти, даже если и исполнят угрозу и убегут из дома, не пропадут, им и с отцом будет неплохо. Она совсем растерялась под натиском всех этих событий.

Затмение нашло, как говорили в их деревне.

## Предупреждение

Деревня, где теперь жил их отец, была верстах в пяти. Отец ушел к своей матери, слывшей в округе колдуньей. Несмотря на столь зловещее прозвище, бабушку Марфу все знали и любили. Она всегда рада была помочь любому. У кого ребенок захворал, у кого корова пропала, кому любимый человек давно писем не шлет — все шли к бабушке Марфе. У нее по стенам висели пучки целебных трав и корней, которые она собирала — каждую травку, каждый корешок в свое время, иную так и при полной луне, да еще шепча при этом свою особую молитву. Иначе снадобье не будет иметь силы.

Для каждого приходящего у бабушки находилось какое-либо лекарство или слово утешения. Иной раз просто поговорит с человеком, и он уходит от нее успокоенный, просветленный. Умела она отыскивать и пропавшую домашнюю скотину. Сосредоточится, задумается, а потом советует, в каком урочище, на каком лугу, в какой роще искать заблудившуюся корову или лошадь. Чаще всего там и находили. За свои труды бабушка ничего не брала. «Дело божеское, за что ж тут брать?» — обычно говорила она. Ей все же оставляли украдкой десяток яиц или банку сметаны. От этого она не отказывалась, но если приношение по ее понятиям было очень уж роскошным или дорогим, то обязательно возвращала его дарителю. Оля многому научилась у нее. Ей только не нравилось, когда бабушку называли колдуньей. Она же добрая, всем помогает...

Когда отец пришел к ней жить, бабушка Марфа расстроилась. Она уговаривала Ивана вернуться к детям.



«Большие беды ждут твоих деточек, — говорила она, — тяжелые испытания. Пускай хоть в эти годочки порадуется рядом с родителями...» Но отец запил и не хотел ее слушать. Бабушка и без того была уже слабой, а тут от огорчения совсем разболелась и вскоре умерла. Оля, когда услышала о смерти бабушки, долго плакала, что не попрощалась с ней. На похороны они ходили вместе с Васей, мать не пошла. Там были незнакомые люди, бабушка, лежавшая в гробу, казалась какой-то чужой.

Оля плакала всю обратную дорогу домой. Как же теперь будет... А потом бабушка приснилась ей, и они долго разговаривали. Проснулась Оля спокойная и умудренная. Бабушка снилась ей часто. У девочки после таких снов как будто прибывало силы.

Взявшись за руки, дети пошли к отцу. Ветер дул им в спину, словно подталкивал идти быстрее. Все было бы хорошо, если бы он не был таким ледяным и пронизывающим. Пока шли, ранние осенние сумерки сгустились в непроглядную тьму, так что они с трудом отыскивали избу бабушки Марфы.

Оля постучала в дверь, но никто не отозвался. Дверь оказалась незапертой. Ребята осторожно приоткрыли ее и вошли.

— Папка! — крикнула Оля в темную пугающую пустоту.

Никто не отозвался. Но дом не молчал: поскрипывали под ногами половицы, дребезжало под ветром оконное стекло, скрипнула от сквозняка дверь, в углах шуршали и попискивали мыши. В доме, затянутом паутиной, с вылезшими из стен неряшливыми космами пакли, с травой,

проросшей в щели пола, шла своя неведомая, потаенная скрытная жизнь. Даже Олю охватила зябкая тревога. А Вася пристроился за ее спиной и вздрагивал от каждого шороха.

Отца они нашли в дальней комнатухе, похожей на чулан. В темноте слабо синело маленькое окошко, в которое стучал разгулявшийся ветер. Иван неподвижно сидел в темноте за столом. Перед ним стояла полупустая бутылка самогона. Он был мертвецки пьян.

— Папка, папка! — затеребила отца Оля. Он слегка дернулся, очумело заозирался вокруг, потом взгляд его остановился на детях, он моргнул, присмотрелся и блаженно улыбнулся:

— Касатка!

Иван, наконец, понял, что дети ему не почудились, а пришли на самом деле, но все же никак не мог взять в толк, что произошло.

— Что стряслось, касатка? — спросил он, еле ворочая языком, слова у него выходили свистящие и непонятные.

Оля не сразу разобрала, что он сказал.

— Можно мы у тебя переночуем? — спросила девочка.

Но Иван уже заснул — на всю комнату раздавался прерывистый храп.

Оля вдруг замерла, напряглась. Васе даже показалось, что у нее стали светиться в темноте глаза. Она подошла к отцу, обняла его и начала просить его каким-то низким, незнакомым голосом, точно повторяя молитву:

— Батюшка, родненький! Пожалуйста, больше не пей! Ты такой хороший, добрый... Больше не пей, очень тебя прошу, не пей, не пей, не пей...



— Он тебя не слышит, — испуганно прошептал Вася.

Оля покачала головой и продолжала негромко говорить все тем же низким, чужим голосом:

— ...Не пей... зайди вино за холмы и горы... привяжись к лихому человеку, который добра не сделает... во веки веков отвяжись...

Васе плохо было слышно, он боялся темноты и чужого голоса сестры. Он посмотрел на сестру, на отца и почему-то заплакал...

А в доме Анны между тем разгорелся скандал. Виктор, так и не сумевший найти выхода своей ярости и выпустить пар, зато успевший хорошенько опохмелиться, по какому-то пустяку прицепился к женщине. Но она и сама была зла и раздражена из-за того, что дети сбежали, и виновником этого считала сожителя. Сначала они вяло переругивались, затем Виктору это надоело, и он дал ей оплеуху. Анна терпеть не стала и, схватив первое, что попало под руку — какую-то миску, швырнула ее в сожителя, попав ему точно в лоб. В Викторе тут же проснулся зверь. Анна отлетела к стене, а затем кубарем покатилась по горнице.

Он начал пинать ее, вкладывая в эти удары всю накопившуюся злость. Она пыталась руками закрыть живот — но безуспешно, он метил именно туда. Наконец Анна доползла до кровати, забилась под нее и затихла. Виктор не стал преследовать свою добычу, он устал. Выпив залпом стакан водки, рухнул на кровать. Грузно поворочавшись, он вскоре захрапел на весь дом.

Только через час Анна, вытирая слезы, осторожно



выбралась из-под кровати и, поглядев с ненавистью на Виктора, вышла, оставляя за собой кровавые следы.

Под утро она подошла к храпящему сожителю и долго смотрела на него, сжимая в руке большой кухонный нож.

С приходом детей в жизни Ивана произошли перемены, да такие, что, скажи ему кто раньше, — он ни за что бы не поверил.

Начать хотя бы с того, что на следующий день Иван проснулся не как обычно — за полдень с похмельной тяжестью в висках, а ранним утром, когда еще и петухи не пропели. Нет, голова болеть-то болела, и во рту словно кто нагадил, но вот в теле появились какие-то новые ощущения. Он разом открыл глаза и с удивлением понял, что сна у него ни в одном глазу. В башке хоть и гудело, но ум был ясный, как будто промыли его изнутри и вынули оттуда всю скверну.

Иван был так удивлен этими переменами, что не сразу даже сообразил, кто он и где находится. Потом немного пришел в себя, покрутил головой и увидел лежавших на старой скамье детей, укравшихся грязными тряпками и прижавшихся друг к другу. Утром в старом доме было особенно зябко, и они дрожали во сне от холода. Он совершенно не помнил, откуда они тут взялись, и сперва почему-то испугался.

Иван с трудом приподнялся на кровати — все тело ломило. Он попытался прокрутить в памяти вчерашний день — может, подрался вчера с кем? Да нет, вроде из дома не выходил. Или упал и расшибся — такое ведь тоже бывало?



Поискал глазами на столе — не осталось ли после вчерашнего на дне бутылки? И вправду осталось — глотка на два. Но, как ни странно, вид спиртного не вселил обычного возбуждения, пить ему не хотелось. Вместо этого он отправился в сени, зачерпнул ковшом ледяной воды из ведра, глотнул и тут же выскочил из избы. Его выворачивало наизнанку, живот скрутила острая боль, будто бы он глотнул не воды, а расплавленного железа. Организм, привыкший к отраве, воспринял воду как яд.

Никогда ему еще не было так худо — даже в самое страшное похмелье.

«Помираю, — подумал Иван, — допился...» Ему стало жаль свою пропащую жизнь, хотя одновременно он испытывал нечто вроде облегчения. Сейчас отпустит...

Но он ошибался. Его скрутила очередная судорога, затрясло, и он потерял сознание. Очнулся Иван примерно через час. Казалось, в нем не было живого места — болело все. Желудок скрутил сильный спазм, и Ивана вырвало. Рвота не прекращалась несколько минут. Когда, наконец, приступ прошел, он глубоко вздохнул и застонал — раньше казалось, что хуже уже быть не могло, так нет же, оказывается, могло.

Но с этого момента неведомая напасть стала отпускать его — минут через десять он нашел в себе силы встать на четвереньки, потом поднялся, хватаясь за изгородь. Боль потихоньку отпускала, тошнота уходила.

Вместе с рвотой из него точно вышла вся скопившаяся внутри грязь. Несмотря на слабость, он чувствовал неимоверное облегчение. И все же он боялся разжать руки, вцепившиеся в изгородь, его шатало.

По улице прошел пастух, гнавший на выпас коров. Он неодобрительно посмотрел на Ивана и, не поздоровавшись, покачал головой.

А Ивану неожиданно становилось все лучше и лучше — уже на твердых ногах он подошел к колодцу, с удовольствием окатил себя ледяной водой и отправился в избу. Проходя мимо старого зеркала, запыленного и потемневшего от времени, он впервые за долгое время бросил мимолетный взгляд на свое отражение и ужаснулся — помятый, небритый, с мутными глазами, он выглядел лет на десять старше своего возраста. В доме он сел на стул и долго сидел, не шевелясь, погруженный в раздумья.

Сзади раздался какой-то шорох, Иван вздрогнул и обернулся. Он совсем забыл про детей. Вася спал, причмокивая во сне, а вот Оля уже проснулась и, улыбаясь, глядела на отца.

— Касатка? — Иван прочистил горло, ему было неловко. — И давно ты за мной подглядываешь?

Оля молча кивнула и опять заговорщицки улыбнулась, словно проведала какую-то отцову тайну.

Он посмотрел ей в глаза, и ему показалось, что она знает все, что с ним произошло. Его даже передернуло при этой мысли. Еще не хватало...

— Пап, ты не будешь больше пить? — даже как будто утвердительно спросила Оля.

— Нет, — легко ответил Иван и сам удивился — что это он такое говорит? Почему не будет? И понял — нет, не будет. Мысли о выпивке теперь вызывали у него отвращение, пить не хотелось так, как не хотелось бы выпить касторки или рыбьего жира.



— Посмотри-ка в зеркало, — вдруг попросила Оля.

— Зачем? — оторопел Иван. — Да я только что смотрел.

Ничего хорошего не увидел...

— А ты еще раз глянь, — лукаво улыбнулась дочь.

Он с сомнением усмехнулся, подошел к зеркалу, смахнул пыль и обмер. Еще недавно почти старик, теперь он выглядел свежим и молодым. Даже цвет лица был как у младенца, глаза стали ясными, плечи распрямились, морщины разгладились. Иван недоуменно застыл, точно прислушиваясь к своим ощущениям, потом обернулся и увидел счастливые глаза Оли. Она засмеялась:

— Ты почаще в зеркало смотри.

От ее звонкого смеха проснулся Вася, он потянулся, протер глаза и, увидев смеющихся отца и сестру, тоже невольно заулыбался.

— Говоришь, обижает вас мамкин хахаль? — почему-то весело спросил Иван.

Оля утвердительно кивнула.

— Ну, тогда идите жить ко мне. Будем вместе с хозяйством управляться. Заживем, ребяташки! — дурашливо закричал он и, схватив сына, подкинул его вверх. Мальчишка заверещал от восторга.

— Разбалуешь. Он меня не слушается, — насмешливо пожаловалась девочка. — Вот я обещала тебя к отцу свети, — сказала она Васе, — он тебе воспитание устроит.

— А я слушаюсь, — возразил Вася, — а теперь, с батей, буду еще лучше слушаться.

— Не будете по мамке скучать? — серьезно спросил Иван.

— Наверно, будем, куда от этого деться, — рассудительно заметила Оля, — да только ей сейчас лучше без нас. А тебе лучше с нами.

Иван внимательно посмотрел на дочь:

— Задумала, хитрюга, что-то и молчит. Ну, ладно. Помоему, пора завтракать, — возвестил он, и ответом был ему счастливый визг детей.

Довольно быстро Иван привел дом в порядок. Теперь, когда он забыл о пьянстве, оказалось, что у него высвободилось много времени, и он с утроенной энергией принялся за дела.

«Она высасывала жизнь из меня, треклятая, сил лишила...» — рассказывал он друзьям, заходившим в гости. Те только недоверчиво переглядывались и косились на хлопотавшую по хозяйству Олю. А потом как-то быстро прощались и уходили.

Девочка почти полностью взяла на себя хозяйство, уже приученная, она легко с ним справлялась. Днем она прибегала из школы и тут же бралась за дело.

Школа была в Лошаково, в старом бревенчатом доме. Там же, при школе, жила и учительница — Надежда Захаровна, молодая и энергичная. Она давала Оле книги из своей библиотеки, рассказывала о Москве, где училась, показывала фотографии и открытки с видами столицы. Вот-вот в деревне должны были открыть новую школу — десятилетку, а пока Надежда Захаровна была одна за всех: учила и читать, и писать, и рисовать, преподавала и историю, и географию. Оля была ее любимицей. Несмотря на домашние хлопоты, девочка хорошо училась, много чи-



тала, внимательно слушала рассказы Надежды Захаровны и все запоминала.

— Тебе, Оленька, обязательно надо учиться, развиваться, — вздыхала Надежда Захаровна, глядя на огрубевшие от домашней работы руки девочки, — с твоими способностями ты многого достигнешь. И дается тебе все на лету, и тянет тебя к знаниям, я же вижу. Жалко будет, если не выучишься...

Оле и самой хотелось учиться, хотелось читать умные книги, узнавать новое. Работы, правда, было много, но она не жаловалась: радовалась, что жизнь у них потихоньку налаживается, отец работает, Вася подрастает...

Частенько по вечерам все втроем они усаживались на завалинке. Отец доставал старую гармошку и, вспоминая молодость, наигрывал на ней незамысловатые мелодии. Оля тут же подхватывала их и начинала петь. Васятка часто не удерживался и пускался в пляс. Они громко смеялись и дурачились.

Как-то в один из таких вечеров рядом с их домом оставилась женщина. Увлеченные песней, отец с детьми не сразу заметили ее. А она, словно забывшись, слушала и смотрела на них во все глаза. Иван первый поймал ее взгляд — затравленный, замученный и усталый. Анна как будто постарела разом лет на пять.

Иван растерянно сжал меха, гармошка издала протяжный стон. Оля замолчала, только Васятка все еще приплясывал и усердно перебирал ногами. Но и он вскоре остановился, будто замерев в танце. Все молчали, не зная, что делать. Наконец, Анна с досадой резко мот-

нула головой и, не проронив ни слова, быстрым шагом прошла мимо.

Время шло, как-то незаметно наступила зима. Под Новый год Оле приснился сон. Будто бы идет она по деревне — и неясно, то ли лютая зима на дворе, то ли жаркое лето. Входит в свою избу — ищет мать, но той нигде нет. А в сенях и комнате толпится народ — бабки, мужики, толкуют о чем-то, шум, гам. У окна на табурете сидит Виктор и чинит сапоги, не обращая ни на кого внимания. Оля удивляется, ведь точно так же сидел и сапожничал отец. Она покидает хату — ей тут делать нечего, и идет дальше. И замечает, что из домов выходят люди и куда-то направляются, небольшие группы стекаются в ручейки, которые на главной улице превращаются в настоящую толпу. Все идут молча. Оля присоединяется к людям и тоже идет со всеми. В толпе она видит бабушку Марфу, та машет ей рукой, но не подходит. Люди отводят глаза от девочки, никто не смотрит ей в лицо.

«Это потому, что я ведьма? — думает Оля. — И меня все боятся?»

Они идут через какое-то поле, и девочка видит, что оно заросло грибами, все поле в грибах: собирай — не хочу. Но Оле сейчас не до этого, ей нужно куда-то дойти. Толпа все ширится, и вот уже вся деревня растянулась через поле.

Становится понятно, что все направляются в церковь, расположенную на другом берегу реки. Люди чинно входят внутрь. Оля дожидается своей очереди и тоже проскальзывает туда, попутно отмечая про себя, что вся деревня никак бы не поместилась в хоть и просторной, но все же